

Писатель, ученый, авантюрист

4 января 1945 г. в своем доме в Жулвине под Варшавой был найден труп Антона Оссендовского — писателя, путешественника, ученого и... авантюриста. Накануне его посетила группа эсесовцев, среди которых был и Р. Унгерн, племянник знаменитого барона, провозгласившего себя правителем Монголии. Визит эсесовцев к писателю не случаен: предвидя гибель Третьего рейха, они жаждали узнать, где хранятся вывезенные Оссендовским сокровища барона Унгера...

Антон Мартынович Оссендовский родился 27 мая (8 июня по новому стилю) 1878 г. в Витебске (по другой версии — в г. Опочке). Учился на математическом факультете Петербургского университета, в 1899—1901 гг. изучал физику и химию в Сорбонне, в Париже; много путешествовал, открыл на Алтае в Уссурийском крае несколько месторождений полезных ископаемых.

В 1899 г. в Петербурге вышла первая книга Оссендовского «Описание путешествия по Алтайскому и Уссурийскому краю». После окончания университета работал в Сибири, некоторое время преподавал химию в должности приват-доцента.

В 1903—1906 гг. активно публиковался в газете «Слово» и журнале «Аргус».

В 1903—1906 гг. Оссендовский — армейский эксперт на Дальнем Востоке, а во время русско-японской войны он становится корреспондентом нескольких петербургских газет. Тогда же приобрел скандальную известность, публично обвинив сотрудника владивостокской компании «Кунст и Альберс» Долерта в шпионаже в пользу Японии. Впрочем Н.Арсеньев, в свою очередь, обвинял в шпионаже самого Оссендовского, якобы работавшего одновременно на германскую, японскую и... русскую разведки. Однако ни те, ни другие обвинения не были подкреплены фактами.

Участник революции 1905 г., А.М.Оссендовский вскоре оказался в тюрьме. Освободившись, он вернулся в литературу. В 1910—1917 гг. на страницах «Биржевых Ведомостей», в журналах «Аргус», «Апполон», «Новый журнал для всех», «Весь мир» публикуются его многочисленные повести и рассказы (в том числе фантастические — «Бриг Ужас», 1913; «Грядущая борьба», 1914 и др.), статьи и заметки, путевые очерки, зачастую под псевдонимами — Антонио, Чертван, Мзура, Марк Чортван, М.Ч., О-ский, А.М-А, А.О., А.М.О. В эти же годы выходят его брошюры по экономике и химии, книги прозы — «Мирные завоеватели» (1915), «Женщины восставшие и побежденные» (1915), «Бой при Цусиме» (1906), биографический очерк об адмирале Макарове, а также исследования о золотой промышленности и ископаемых углях Дальнего Востока. Многие из них сразу же после выхода в свет мгновенно попадали в категорию запрещенных изданий. Царская цензура наложила арест и на самую, вероятно, скандальную книгу Оссендовского — «Людская пыль» (1909), рассказывающая о российских тюрьмах.

Впрочем, утвердившаяся за Антоном Оссендовским репутация бунтаря и революционера в одночасье рухнула после 1917 г. Октябрьский переворот он не принял категорически, и как следствие этого —

Оссендовский в 1919—1920 гг. служит в Осведомительном отделе при ставке Верховного правителя в Омске, является министром горного дела в правительстве адмирала Колчака. После же краха колчаковской армии, Оссендовский, заочно приговоренный большевиками к смертной казни, был вынужден бежать в Монголию. Пригодились навыки, выработанные в многочисленных странствиях по Сибири и Дальнему Востоку. Скрываясь, Оссендовский пробирается тайгой, горами к китайской границе, обходя стороной населенные пункты. В дороге к нему присоединились еще несколько беглецов, вместе с которыми он через Урянхайский край вышел в районы Внутренней Монголии. Пытался вывести свою группу в Индию, через Тибет, но потерпел неудачу. Вынужденный веннуться в Монголию, он оказывается плененный бароном Унгерном, заподозривший Оссендовского в попытке заполучить золото барона. Однако Антон Мартынович с присущей ему ловкостью сумел убедить Унгерна в своей невинности и даже полезности, и даже стал личным советником немца, умело подогревая мистические и оккультные настроения последнего. Убедив барона о необходимости поездки в качестве доверенного лица к великому князю Михаилу Александровичу, Оссендовский, после того, как Унгерн отправился в свой последний поход в Забайкалье, отбыл из Урала с большой суммой денег через Пекин в Америку. Существует легенда, что Антон Мартынович вывез и «зарыл» где-то в Забайкалье сокровища барона — 24 ящика с золотом, 120 кг алмазов и большой кувшин с драгоценными камнями. Однако это только легенда.

В Америке он опубликовал книгу «И звери, и люди, и боги» (1923), переведенную впоследствии на все европейские языки и наделавшую много шума. В этой книге впервые упомянуто подземное царство Агарты. Впрочем, сам Оссендовский ссылается на хлясутайского князя Чултун-Бэйсэ, убитого по приказу Унгерна и его приближенного ламы.

Совершив путешествие по Америке, Африке и Европе, Антон Мартынович поселился в Польше, в Жульвине близ Варшавы. В 1922—1924 гг. он преподает географию, экономику, политологию в Высшей армейской школе и школе политических наук в Варшаве. С 1935 г. являлся председателем товарищества литераторов и журналистов, в 1937 г. редактировал «Варшавские ведомости». Литературный итог А.Оссендовского впечатляет — свыше 100 книг самых разных жанров (реалистическая проза, фантастико-приключенческие повести, научно-популярная литература и т.д.). После 1923 г. русский писатель Антон Мартынович Оссендовский стал польским писателем Фердинандом Оссендовским.

В годы немецкой оккупации писатель участвовал в подпольном движении и был убит нацистами в 1945 г.

В Советской России, на родине Оссендовского, долгие годы его имя находилось под глубоким запретом, как сподвижника Колчака. И только в 1960-е гг. в переводной статье Ж.Бержье об истоках русской фантастики, впервые промелькнуло имя Антона Оссендовского, автора повестей «Бриг «Ужас»» и «Грядущая борьба». Это стало как бы возвращением писателя на родину. Вопреки официальным установкам, литературоведы-энтузиасты (В.И.Бугров, В.А.Ревич) не только писали, но и публиковали статьи о творчестве опального писателя. Сегодня имя Антона-Фердинанда Оссендовского, русского-польского писателя, реабилитировано, а его книги возвращаются к российскому читателю.

Публикующаяся в этом номере «Знание—сила:Фантастика» повесть «Грядущая борьба» впервые была напечатана в 1914 году в литературном приложении к журналу «Нива».

Грядущая борьба

1. Два инженера

Это случилось давно.

Лет через сто после казни последней суфражистки.

Ее тогда возили по всем городам мира и для позора выставляли в прозрачном ящике на всеобщее обозрение на площадях. Это жуткое предсмертное путешествие было окончено в Париже, на площади Согласия, и, казалось, вековая борьба за права женщины-человека и гражданина завершилась не в пользу женщины.

Была ночь, темная и безлунная.

На высоком помосте, украшенном цветами, дорогими коврами и пестрыми материями, был водружен стеклянный ящик, к которому стеклись толпы праздного и жестокого народа. Люди усеяли своими хищными телами решетку Тюльери, пьедесталы угловых статуй, старые каштаны и клены Елисейских полей в ожидании казни.

По сигналу невидимого распорядителя на площади погасли все фонари, и только стеклянный ящик был освещен розоватым светом, ласковые лучи которого озаряли бледное лицо и исхудавшую фигуру пожилой женщины со строгими серыми глазами и крепко сжатыми губами.

Подали газ.

В страшных корчах начало извиваться это измученное и затравленное тело, а через мгновение оно исчезло так же бесследно, как исчезает утренний туман с поверхности озера, когда на горизонте медленно начинает вставать солнце.

С того позорного дня прошло сто лет, и за это время европейские

По тексту А.М. Оссендовского «Грядущая борьба», Ежемесячное литературное и популярно-научное приложение к журналу «Нива», N 10, за октябрь 1914 года.

народы исполнили свою высокую историческую задачу. Они уничтожили все народы Азии, мечтавшие о владычестве над миром.

Какой-то ученый дал совет заразить территорию Азии зародышами гигантского плесневого грибка. В течение очень короткого времени плесень покрыла весь материк толстым слоем беловато-желтой слизи и пушистых, ползущих все дальше и дальше ростков. Ядовитая плесень уничтожала леса и селения, всасывала в себя реки и озера, убивала людей, вьедаясь в их кожу и обвиваясь ядовитыми ростками вокруг сердца.

Уже через пять лет Азия представляла собой пустыню, перерезанную горными хребтами, и в этой жуткой пустыне умирал раскинувшийся на необозримом пространстве слизистый паразит, заражая ядовитым зловонием воздух и пропитывая гниющими соками почву.

Именно в это время и произошли роковые события.

Было лето.

В этот период на Земле ничего не изменилось. Только пустыли дворцы промышленных королей, управлявших планетой. Откуда они взялись, никто не знал, и никто не думал сопротивляться им. Они были могущественны, а стеклянные ящики — место казни для недовольных и протестующих — высились на площадях больших городов.

Недалеко от Петрограда, на одном из озер, с утра наблюдалось большое оживление.

Вокруг построенного на одинокой скале великолепного замка из гранита и розового мрамора сновали парусные яхты и моторки, нагруженные цветами и гирляндами из зеленых ветвей.

Солнце поднялось уже достаточно высоко, когда из-за горизонта выплыло большое воздушное судно. Оно казалось ослепительно белым в лучах яркого солнца и быстро приближалось. Через несколько минут с громким воем сирены судно скользнуло на желоб помоста, высящийся над замком.

Из аппарата вышел совсем еще молодой, невысокого роста, коренастый красивый человек.

Некоторое время он стоял рядом со своим судном и смотрел мрачными и холодными глазами вниз, на озеро, откуда с лодок и яхт ему махали шляпами и цветами, что-то воодушевленно и громко кричали, широко разевавая рты.

— Это английский инженер Джеймс Брайтон! — громко крикнул штурман большой моторной лодки. — Он изобрел конденсаторы для человеческой энергии, а теперь проектирует постройку тоннеля через центр Земли. Это гений, друзья! Настоящий гений!

Эти слова, сказанные слишком громко и с такой гордостью, что она казалась неестественной, предназначались сидящему на корме человеку, одетому в серый костюм туриста, фамилия которого была Греммин.

— Джеймс Брайтон? — повторил он и поднял к глазам бинокль. — Да, я его таким себе и представлял.

— Что ты говоришь? — спросил штурман, которого звали Морис Брабант.

— Нет, ничего! Я разговаривал со своей спутницей, — ответил Греммин. — Послушай, Нина, тебе не надоела здешняя публика?

— Нисколько, — ответила молодая девушка. — Я в восторге! Ничего подобного я не предполагала встретить.

И действительно, зрелище было пестрое и интересное.

Все судно оказалось переполнено женщинами. Это были мотыльки, блестящие, переливающиеся всеми цветами радуги птицы, сказоч-

ные восхитительные цветы, то пленительно нежные, то вызывающе дерзкие, благоуханные и яркие. Дорогие шелковые манто, вышитые золотом и драгоценностями, платья из легких, напоминающих паутину, материй, перья невиданных птиц, туфли, усеянные драгоценными камнями, бесценные ожерелья, броши и серьги — все это сверкало и переливалось, споря блеском и разнообразием оттенков с огнем прелестных, хотя и подведенных глаз и свежестью капризных ротиков и нежной кожи, слегка тронутой румянами.

Они весело щебетали и говорили пустяки, пересыпая слова стихами и музыкальными фразами, произносимыми нараспев. А Морис Брабант снял шляпу и приветствовал их небрежным движением руки.

— Что делают эти нарядные дамы? — спросил, обращаясь к штурману, Гремин.

— Они прибыли в замок английского инженера за три дня до его приезда и теперь будут украшать обеды и рауты, развлекать гостей веселыми разговорами, танцами, пением и музыкой.

Моторная лодка подошла к пристани замка. Нарядные женщины выпорхнули на устланный коврами и украшенный цветами помост, не переставая щебетать, и в это время появился владелец замка.

Его бледное, утомленное лицо было холодно, а глаза разочарованным и презрительным взглядом скользили по прическам и платьям, не останавливаясь ни на минуту.

Вдруг он выпрямился и с удивлением поднял голову. Еще через мгновение он слегка улыбнулся и почтительно поднял шляпу, подойдя к самым сходням и глядя на девушку, оставшуюся в лодке.

— Сударыня, а вы? Разве представители всемирных трестов не удостоятся чести видеть вас в числе своих друзей?

— Простите, сударь, но я туристка! — ответила девушка, с удивлением и смущением глядя на Брайтона.

— Туристка? — протянул с оттенком удивления англичанин.

— Да! Я путешествую вместе с инженером Греминым.

Джемс Брайтон вздрогнул. Его мрачные глаза вспыхнули, и он остановил взгляд на инженере.

— Простите! — сказал он. — Я должен был знать, что такой выдающийся человек находится вблизи моего замка. Я очень рад и поздравляю вас с большим счастьем: быть спутником такой прелестной дамы!

Говоря это, он поклонился и сразу умолк.

— Цель моего приезда сюда, — сказал, вставая, Гремин, — встретить здесь вас всех...

— Уж не готовите ли вы покушение на нас? — улыбнулся англичанин.

— Вы сами не верите тому, что говорите, — ответил Гремин. — Я прибыл сюда со сравнительно мирными намерениями, насколько, конечно, вы захотите этого. Мне надо говорить с вами, господа!

— Быть может, вы предпочтете переговорить сначала со мной? — спросил, вскидывая на собеседника мрачные глаза, Джемс.

— Если вам угодно, то я к вашим услугам, — сказал Гремин. — Где и когда?

— Когда? — протянул англичанин, обдумывая что-то. — Хотя бы завтра утром, только вот где? Это труднее решить, так как вы, вероятно, будете опасаться посетить мой замок.

— Нет, почему же? — улыбнулся Гремин. — Я буду завтра в вашем замке. Мне это безразлично, лишь бы скорее, так как я тороплюсь.

— Вы храбры! — сухо засмеялся англичанин и взглянул на девушку.

— К тому же я отлично вооружен, — так же со смехом ответил Гремин.

— Итак, до завтра?

Брайтон поднял шляпу и молча провожал глазами Нину, изредка встречаясь с ней взглядом.

Лодка поворачивала и шла к другому берегу, поднимая за кормой высокую волну.

Выйдя на набережную, Гремин взял Нину под руку, и они пошли в гору, к гостинице, где у входа их встретил седой, величественный старик с яркими детскими глазами.

— Ты видел его, Павел? — спросил он негромко, трогая инженера за плечо. — Ты видел Джемса Брайтона?

— Видел и говорил, — ответил Гремин. — Завтра у меня с ним встреча, а потом с ними...

— Ступай! — прошептал старик, когда они пришли в гостиницу. — Скажи им в глаза, что конец их близок.

— Отец! — тихо проговорила девушка. — Павла могут убить... Я боюсь за него...

— Его защищает знание, — прежним горячим шепотом произнес старик.

— Но если ему даже суждено погибнуть, пусть идет... пусть идет...

Девушка больше не возражала. Изредка она вскидывала глаза на Гремина, а когда он вышел на веранду, догнала его.

— Это опасно? — спросила она, кивнув на видневшийся вдали замок.

— Не знаю, — ответил он. — Но вот что, Нина. Мне показалось, что ты смутилась, встретившись с Брайтоном, да и на его лице я видел странную улыбку удивления, так не идущую к его мрачным глазам.

— Я сама не знаю! — сказала она, медленно произнося слова. — Мне кажется, что я встречала его. Когда я в Балтиморе оканчивала медицинскую школу, в клинику принесли юношу с раздробленным плечом и сломанной рукой. Это был молодой ученый, производивший исследования новых взрывчатых веществ. Лицо Джемса Брайтона напомнило мне о том случае...

— Значит, я не ошибся, — заметил инженер, и они вернулись к старику.

Когда пробило девять часов вечера, Гремин поднялся и пошел в свою комнату.

2. Призрак смерти

Гремин быстро вошел к себе и открыл небольшой черный футляр, стоявший на окне.

Он достал из него аппарат, напоминающий телефонный прибор, с помещенным впереди матовым стеклом.

Гремин сел к столу и, приложив трубку к уху, нажал кнопку.

Внутри аппарата раздался еле слышный треск и легкое шипение; потом все смолкло, а на доске появилось изображение.

Огромная зала с колоннами из белого мрамора и с лепным потолком освещалась люстрой из длинных кристаллов горного хрусталя, амethystов, бериллов и аквамаринов... Посредине бил фонтан, разбрызгивающий струю на растущие вокруг растения. Под гигантскими пальмами, широко раскинувшими перистые листья, стояли длинный стол из красной яшмы и семь кресел, крытых мягкой серебристой кожей.

В зале находились лишь два человека.

Джемс Брайтон, поддерживая под локоть пожилого толстого человека с красным лоснящимся лицом, ходил по зале. Оба молчали.

Наконец толстый человек заговорил. Голос у него был хриплый и злой.

— Зачем и здесь ты хочешь совещаться о делах?

— Молчи, Ганс, — ответил англичанин. — Произошло важное событие... Скажу больше, нам, кажется, угрожает опасность.

— Нам грозит опасность? — переспросил Ганс. — Разве может она нам угрожать?

— Да! — нетерпеливо прервал его Джемс. — Но об этом тогда, когда соберутся все.

Они ходили молча, занятые каждый своими мыслями, пока в зале не собрались все гости Джемса Брайтона.

Когда они уселись, спокойно, но пытливо глядя на хозяина, англичанин встал и обвел присутствующих мрачным взглядом.

— Мне придется начать с извинений, — начал он. — Я пригласил вас провести у меня летние месяцы, отдохнуть от дел и зноя, но обстоятельства требуют от нас глубокого раздумья и почти немедленного решения.

— Что случилось? — слышались сухие и деловитые голоса.

— Поблизости находится русский инженер Гремин, ученик таинственного ученого Русанова, человек, который уже не раз доставлял нам немалые хлопоты и огорчения, — произнес, отчеканивая каждое слово, англичанин. — Он хочет говорить с нами.

— Между нами война! — ударяя кулаком по столу, воскликнул молодой бледный Анри Массакрэ, глава хлебного треста. — Нам не о чем говорить с ним, пока мы не победили!

— Чтобы победить, нужно найти их логовище и взять их, — произнес, разглаживая бороду, создатель всемирного мясного синдиката Шублер. — Почему не послушать?

— Нет! — крикнул, вскакивая с места, Ганс. — Зачем переговоры? Эти негодяи достойны смерти!

— Какое средство рекомендует собрание для борьбы с Греминым? — спросил спокойным голосом Брайтон. — Я могу задать этот вопрос, потому что предполагаю решительные требования и выступления русского инженера.

Все молчали. Только Ганс подскочил в кресле и бросил:

— Даю десять миллионов золотом на розыски и арест обоих русских! Десять миллионов!

Брайтон презрительно поморщился и твердым голосом произнес:

— Я не считаю эту меру разумной, потому что не знаю, нет ли, кроме Гремина и Русанова, еще десятков или сотен таких же, как они, людей. Я предложил бы себя в качестве посредника между представителями мировых трестов и синдикатов и русскими изобретателями. Я приложу все усилия к тому, чтобы они перешли на нашу сторону.

Жду вашего решения, господа, так как завтра утром у меня встреча с инженером Греминым.

Воцарилось глубокое молчание.

Слышались только плеск фонтана и шелест капель воды, падающих на листья пальм.

Все присутствующие так ушли в свои мысли, что не замечали появившихся на мраморной стене неясных отблесков, быстро скользящих и сливающихся в одно световое пятно.

Наконец, все, кроме Брайтона, наклонились над столом и, вынув банковские книжки, написали чеки. Чеки легли перед англичанином.

— Десять миллионов... пять миллионов... пятнадцать миллионов... — читал вслух Брайтон. — Это на подкуп русского инженера, господина?

Но представители трестов поднялись и, уже спокойно глядя на Брайтона, произнесли:

— На уничтожение Гремина и старого ученого!

Англичанин встал и поднял глаза вверх.

Одно мгновение всем казалось, будто Брайтон вдруг что-то вспомнил, но взгляд его оставался неподвижным, и взоры всех направились в ту сторону, куда смотрел инженер.

Шепот изумления пронесся по залу.

На белой стене ярко мерцали зеленовато-голубые буквы:

«Я принимаю ваш вызов и, хотя в настоящую минуту мог бы скинуть на ваши головы крышу всего здания, предпочитаю дожидаться дня последнего боя. Мои предложения таковы: вы должны уничтожить систему искусственного подбора людей и отказаться от захвата в свои руки жизни человечества. Я жду ответа. Гремин».

Буквы погасли, и в зале стало темнее. Казалось, что жуть повисла в воздухе, и призрак смерти притаился за мраморной колонной. Брайтон оглядывал изумленных гостей, но они молчали, не решаясь произнести приговора, может быть, даже самим себе.

«Я жду ответа!» — загорелась вновь надпись и погасла, а вслед за ней неожиданно рухнула угловая колонна, превратилась в туман и вспыхнула ослепительным огнем, обдав присутствующих нестерпимым жаром.

— Нужны переговоры... — хриплым голосом произнес Массакрэ, потирая холодные руки.

Остальные молчали.

— Итак, вы уполномочиваете меня, господина? — спросил Брайтон.

Все кивнули головами и поспешно покинули залу.

Англичанин остался один, подошел к месту, где была колонна, но не найдя там ни следа от камня, пожал плечами и в глубоком раздумье долго ходил по зале, морща лоб и хмурия брови.

Уже начал алеть восток, когда Брайтон вышел из залы и пошел в спальню, сопровождаемый слугами и дворецким, ждущими от него приказаний.

— На завтра — парадный обед и большую воздушную яхту к вечеру! — бросил он на ходу, и глаза его уже по-прежнему мрачно и сосредоточенно смотрели перед собой.

3. Борьба начинается

Ровно в восемь часов утра Джеймс Брайтон был в кабинете.

Большая, обитая черной кожей комната, с мягкой и такой же черной мебелью и огромными книжными шкафами, была увешана таблицами, картами и чертежами.

Инженер ходил из угла в угол и изредка поглядывал на циферблат часов, висящих над дверью.

Вошел слуга и подал визитную карточку Гремина.

Брайтон кивнул и остановился посередине кабинета, повернувшись лицом к выходу.

Когда Гремин вошел, англичанин с любезной улыбкой встретил его и указал рукой на удобное кресло.

— Простите, — прервал молчание гость. — У вас, кажется, была сломана рука?

Брайтон засмеялся, и его глаза радостно блеснули.

— Мне взрывом раздробило левую руку и плечо, но все уже давно прошло, — сказал он.

Гремин потупился и, помолчав, продолжил:

— Итак, вы уже знаете мои условия, а руководители трестов согласились вести переговоры с нами. На какие же уступки согласны вы идти?

Джемс молчал. По его лицу бродила неопределенная улыбка.

— Я вас слушаю, — сказал Гремин.

— Мне кажется, что вы совершенно не знаете нашего общественного строя в областях производств, на концессиях трестов? — тихим голосом спросил англичанин.

— Я его не знаю, — согласился Гремин. — Но я знаю, что вы разделили человечество на наслаждающихся и на работающих всю свою нерадостную жизнь в первом, втором или третьем ярусах подземелий!

— Вы забыли еще об одном классе современных людей: о мыслителях, работающих всю свою нерадостную жизнь, — негромко сказал Джемс. — Эти люди — мы!

— Мне нет дела до вас! — нетерпеливо прервал его Гремин. — Вы — пережитки давно умерших безумцев, вся жизнь которых ушла на накопление золота и богатств. Что же нужно вам? Ведь вы владеете сокровищами всего мира?

Англичанин задумчиво покачал головой.

— Мы хотим создать счастливое человечество, — сказал он.

— Счастливое человечество? — воскликнул Гремин. — Вы заботитесь о человечестве, загнав его в подземелья, на глубину семи верст.

— Да, — сказал Брайтон. — Мы хотим регулировать количество населения Земли, хотим создать такой вид промышленности, который бы позволил всем людям пользоваться благами жизни.

Гремин встал. Он был бледен и дрожал от негодования.

— Вы, руководители трестов, так думаете? — спросил он, сжимая кулаки. — Вы издеваетесь надо мной?

— Так думаю я! — сказал с ударением Брайтон. — Что же касается иных, то ими тайно руководят другие, например... я.

— Мы уже давно с Русановым знаем эти способы предоставления всем людям счастливой жизни, — сказал Гремин, — но пока ничего не говорим. Мы боимся, что вы захватите наши изобретения и превратите их в орудия против людей!

Он засмеялся и тяжело опустился в кресло.

— Если мы — потомки безумных богачей, то вы, вероятно, потомки революционеров? — улыбнулся Брайтон.

— Нет! Я только всегда думаю, что человечество уже около пяти веков напрасно бьется из-за хлеба и крова. Все это уже давно дало знание! Только наука могла освободить человечество, и она это сделала! Но люди не сознавали и не сознают этого!

Англичанин молчал и внимательно слушал инженера. Когда тот закончил, Брайтон долго ходил по кабинету и что-то обдумывал.

— Вот, что я предложу вам, — сказал он, подходя к Гремину. — Вчера вы были на озере с девушкой. Я ее немного знаю. Быть может, она не откажется совершить с нами путешествие по нашим концессиям? Это путешествие позволит нам выяснить многое и обсудить те уступки, которые могут сделать тресты.

— При чем же здесь девушка? — насторожился Гремин.

— Я бы очень вас об этом просил, — тихо сказал Джемс.

— Хорошо, — пожал плечами инженер. — Перед нами слишком важная задача, чтобы стоило спорить из-за вашей прихоти, если толь-

ко, конечно, моя вчерашняя спутница захочет исполнить вашу просьбу.

— Отлично! — сказал англичанин. — Я провожу вас до гостиницы.

Перед дворцом они увидели Ганса.

Он быстро шел им навстречу и был сильно возбужден.

— Это кто с тобой? — грозно крикнул он, поравнявшись с Брайтоном.

— Это мой гость! — ответил англичанин. — И ты это должен помнить, мой друг!

Но Ганс крикнул:

— Это — Гремин, проклятый безумец!

Он выхватил из кармана револьвер и, почти прижав его к груди Гремина, сделал три выстрела.

Инженер даже не пошевелился, а пули, рассыпаясь в прах, вспыхивали у его ног, не коснувшись тела.

В следующий миг Джемс двумя сильными ударами свалил на землю Ганса и зашипел прерывающимся от бешенства голосом:

— Глупое животное! Убийца! Трус!

Гремин успокоил Брайтона.

— Мне ничего не угрожает, — сказал он. — Я окружен атмосферой лучей, которые лишь только коснутся какого-то вещества, уничтожают его. Оно распадается сразу и выделяет всю ту энергию, что когда-то пошла на создание вещества.

— Следовательно, вы можете уничтожить все наши здания? — спросил Брайтон.

— Я вас об этом предупредил еще вчера вечером... — ответил Гремин.

Они молча переехали озеро и уже подходили к гостинице, когда Гремин остановился и дотронулся до руки англичанина.

— Я бы просил вас не называть своего имени, — сказал он.

— Почему? Девушка, которая вчера была с вами на озере, слышала мое имя? — спросил, с удивлением пожимая плечами, Джемс Брайтон.

— Да. Но вы встретите здесь старика, который не должен пока знать вашего имени, — уклончиво ответил инженер.

Брайтон молча приподнял плечи.

Их встретила Нина. Увидев Гремина в обществе англичанина, она очень удивилась.

— Позвольте вас познакомить! — сказал, выразительно взглянув на девушку, инженер Гремин, — наш гость доктор Смайлз, а это моя младшая сестра Нина!

Когда происходило это знакомство, на веранду вышел старик Русанов.

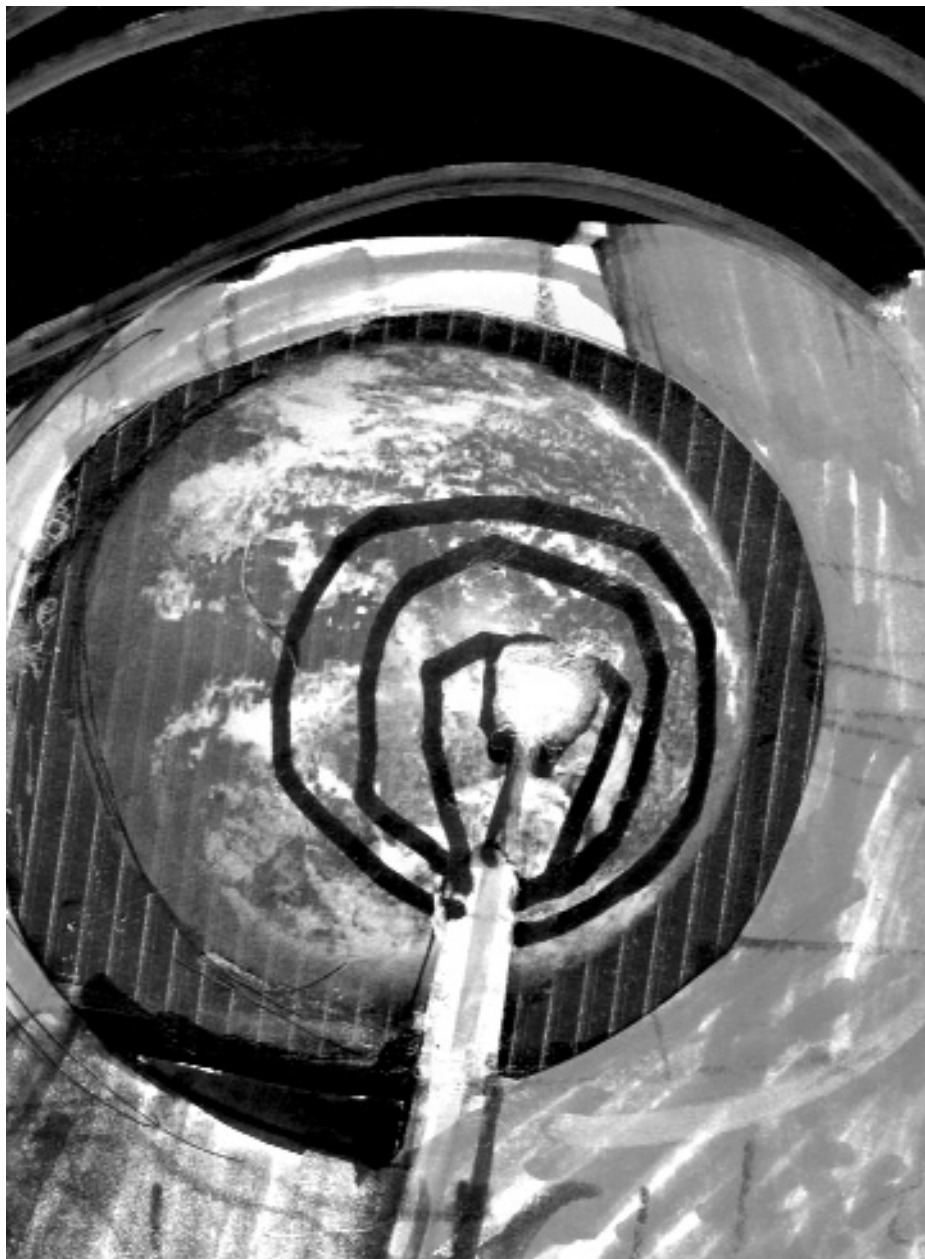
Его горящие глаза остановились на Брайтоне и, казалось, заглянули в душу англичанина, но, услышав неизвестную фамилию, он успокоился и пригласил всех в гостиницу.

4. В аду

Через несколько часов, в разгар шумного обеда в замке Брайтона, его воздушная яхта «Орел» легко скользнула с помоста и с тихим гудением, описав огромную дугу, быстро пошла на запад.

Отсутствие хозяина заметили, но на все вопросы никто не мог дать ответа.

Руководители трестов загадочно улыбались. Они знали, что Джемс не теряет времени и исчез куда-то, чтобы действовать и бороться с главным врагом.

А в это время воздушное судно уже приближалось к той части Европы, где некогда была Германия.

У окна боковой каюты стояла группа пассажиров. Здесь были Брайтон, Гремин, Нина и Русанов. Внизу мелькали города, соединенные линиями железных дорог, которые служили лишь для перевозки грузов. Иногда судно попадало в сноп света, бросаемого прожектором, и тогда шло, как белое видение, неуловимое и призрачное, унося людей в сторону моря.

На другое утро судно опустилось в местности, покрытой какими-то вышками и целой сетью железных дорог.

— Это главные фабрики железного и стального треста, — сказал Брайтон. — Здесь же расположены каменноугольные копи и фабрики нефти.

Англичанина с большим почетом встречали директора треста.

— Мы хотим спуститься в третий ярус, — приказал Брайтон, когда все они уже находились в кабине подъемной машины.

— Это невозможно, — ответил сопровождающий их директор. — В третьем ярусе бунт литейщиков.

— В третий ярус, сударь! — быстро повернулся к нему англичанин. — Я, кажется, довольно ясно передал вам наше желание?

Кабина начала быстро опускаться. Сквозь стеклянные стены кабины виднелись широкие галереи, расходящиеся в разные стороны.

Они были ярко освещены.

Когда машина остановилась, перед путешественниками открылась короткая галерея, в конце которой виднелось широкое пространство, освещенное желтым светом.

— Как глубоко мы находимся под землей? — спросил Гремин.

— Пять верст, — ответил директор, — но подземелье понижается и достигает глубины семи верст. Вас, вероятно, удивляет, что здесь сравнительно не жарко и не душно? Это объясняется тем, что по стенам галерей рабочих и жилых помещений проходят охлаждающие трубы с жидкой углекислотой, и сжатый воздух вгоняется особыми насосами в галереи. Сейчас, — продолжал директор, — мы увидим чугуноплавильные печи!

На большой круглой площади виднелся ряд кроваво-красных окон, сквозь которые лился зловещий свет от расплавленного чугуна. Около массивных железных дверей копошились люди. Они, как черные тени, мелькали в разных местах, подвозя тачки с углем и рудой, забрасывая их в печи, прочищая решетки топок, с лязгом и грохотом опуская тяжелые двери и выливая ослепительно белый металл в каналы, ведущие к фабрикам стали.

Через ровные промежутки времени из отверстий в печах брызгал расплавленный металл или прорывалась тонкая струя пара и почти касалась обнаженных тел рабочих. Иногда из стен печей, как жала огромных змей, быстро и беззвучно выскальзывали острые ножи и мелькали в воздухе, проходя рядом с грудью только что шагнувшего вперед кочегара или литейщика.

— Что это? — в ужасе воскликнул Русанов.

— Это система рациональной работы, — с легкой усмешкой произнес Брайтон. — Рабочие, благодаря этой системе, привыкают лишь к необходимым движениям и совершают их с точностью и быстротой машины.

— Что же делают те, которые не способны к такому труду? — так же пылко спросил старик.

— Они погибают, — подсказал директор.

И, как бы отвечая на эти простые и жестокие слова, у крайней печи раздался короткий крик, звучавший смертельным ужасом и сразу же оборвавшийся.

Все бросились туда. Почти у самой дверцы открытой печи лежал человек. Это был кочегар с загорелым лицом и красными воспаленными глазами. Он умирал. Раскаленный чугун попал ему на грудь; она дымила, а из-под огненно-красного, вьевшегося в тело комка чугуна виднелась обугленная кожа и окровавленное мясо.

— Он опоздал, — хладнокровно заявил директор треста, — и из контрольного отверстия на него попала струя чугуна.

— Ведь это убийство! — воскликнул Гремин, и в это время из боковой галереи со свистом, криком и завыванием ворвалась толпа рабочих. Среди них были женщины и подростки. Они кричали:

— Трест еще ускоряет ход работ! Сегодня погибло в округе пятьсот человек! Мы не машины!

Увидев директора, который пытался спрятаться за Брайтона, толпа двинулась на него.

— Ты — убийца! — крикнул один рабочий и, размахнувшись, пустил в него камень.

Директор отскочил в сторону, и камень глухо ударил в грудь Джемса. Тот пошатнулся, лицо его побледнело, и он упал навзничь.

Нина и Гремин устремились к нему. С трудом им удалось привести в чувство англичанина, но все-таки усилия увенчались успехом: Джемс поднялся. Он еще шатался и неуверенно двигал ногами, однако довел всех до подъемной машины и приказал поднимать.

— Я прикажу заманить бунтовщиков в секретную камеру, — сказал, снимая перед Брайтоном шляпу, директор треста. — Эти дерзкие звери задохнутся там.

Он уже схватил в руки трубку телефона, но англичанин одним прыжком очутился около него и оттолкнул от аппарата.

— Если хоть одному из литейщиков будет назначено наказание, вы, сударь, будете иметь дело со мной. Понимаете?

И, не дожидаясь ответа от изумленного директора, он подошел к окну, не глядя ни на кого и чувствуя на себе взгляд ярких глаз старика.

— Я вас не понимаю, — начал вновь директор. — Распоряжением Генерального Совета директоров на всякое проявление протеста наложены строгие наказания. Я не имею права им не подчиняться!

— Заявите вашему Генеральному Совету, сударь, что я приказал не подвергать этих рабочих никаким наказаниям. Если же вас спросят эти господа, почему я отдал такое распоряжение, заявите им, что вы видели людей, которые могли бы уничтожить все и всех, но не сделали этого из чувства жалости. Эти люди — инженер Гремин и его учитель Русанов...

С этими словами Брайтон лукаво улыбнулся и протянул руку старику, не обращая внимания на перепуганное и растерянное лицо директора.

Гремину не понравилась пронизательность англичанина, узнавшего Русанова, и он был настороже, ожидая засады. Однако открытый взгляд Джемса и его приветливость к Русанову скоро рассеяли опасения инженера.

На уровне первого яруса внимание Гремина было привлечено фиолетовым светом.

— Это искусственное освещение, содействующее быстрому росту овощей, фруктовых деревьев и цветов. Здесь под влиянием этих лучей мы получаем до десяти урожаев в год.

— Скажите, у вас и здесь имеется... контрольная система? — спросил с мрачным любопытством Русанов.

— Конечно, и с этой точки зрения она еще более жестока, — ответил Брайтон. — Но не стоит об этом говорить. Это — печальная необходимость. Нам надо очень много разных продуктов, а пока наши инженеры не придумали еще таких автоматов, которые могли бы совсем заменить физический труд человека.

— Зачем? Вы сделали все возможное, для того чтобы население уменьшилось, — сказал Гремин.

— Это правда, — согласился англичанин. — Но с одной стороны,

земная кора настолько охладела, что на ней могут созревать лишь злаки и расти деревья. Нам пришлось уйти под землю со значительной частью сельского хозяйства. Подземелья же наши несравненно меньше, чем земная поверхность, вот почему нам так надо торопиться. Кроме того, при той лихорадочной работе, какую вы наблюдали и которая кипит у нас повсюду, мы усиленно питаем наших рабочих. Немало нужно пищи и разных продуктов для «свободных» ...

— Это для вас, директоров и главарей трестов? — спросил Русанов.

— Нет! — возразил Брайтон. — «Свободные» — это освобожденные от работы. Освобождаются же они таким образом: заработавший определенное количество золота в третьем ярусе переводится во второй, если он сумеет заработать новое количество золота и там, то переходит в первый ярус и наконец на поверхность Земли, где через три года работы становится «свободным». Вот почему рабочие редко ропщут и годами не покидают подземелий, работают, борясь за счастье попасть в класс «свободных», а их у нас около пяти миллионов. Жизнь «свободных» — это отдых, лень, наслаждение, праздник, — называйте это, как хотите, но все-таки я утверждаю, что их жизнь куда лучше нашей...

Он замолчал, провел рукой по лицу и с утомленным видом закрыл глаза.

— Вы опять, Нина, — сказал он, когда девушка подошла к нему, — помогли мне в несчастье, и я не знаю, как благодарить вас.

— Я же врач, — ответила девушка, — я обязана помогать всем, даже врагам.

— Всем... даже врагам... — повторил Брайтон. — Что же, я знаю, вы меня считаете врагом...

— Нет! — просто ответила девушка. — Я не знаю этого. Порой мне даже кажется, что вы совсем не враг. Я только многого не понимаю пока...

Брайтон улыбнулся и приказал дать самый быстрый ход подъемной машине.

— Вы это поймете у меня в замке на Арте! — загадочно шепнул он.

Выйдя из кабины, Брайтон пригласил спутников на воздушную яхту и приказал пилоту:

— В замок Арты!

И «Орел», распластав свои белые крылья, понес их на юг.

5. Бой в воздухе

На другое утро, когда все собрались в столовой судна, откуда открывался вид на три стороны, Нина подошла к окну и любовалась земными долинами, по которым бежали реки, кажущиеся голубыми лентами.

— Как прекрасен мир! — воскликнула она с восторгом, глядя на раскинувшиеся внизу леса и поля, кое-где перерезанные дорогами; вокруг них тонули в тенистых парках роскошные замки и дома «свободных». — Какой ужас охватывает меня при воспоминании о тех несчастных, которые бьются там в подземельях!

Джемс молчал.

К нему подошел Русанов и положил ему руку на плечо.

— Зачем, — шепнул он страстно и горячо, — зачем за спиной этих рабов вы поставили страшного надсмотрщика. Смерть? Вы этим превратили их жизнь в пытку!

— Это ввели до меня, — ответил англичанин. — Но теперь уже поздно возвращаться. Машина пущена, и остановить ее нельзя...

— Разве нельзя изменить ее движение? — спросил Гремин.

— Нет! Вся культура, все знания находятся в руках двух или трех десятков людей. Если они погибнут — исчезнет все то, что люди завоевали вековой борьбой, и человечество вернется в первобытное состояние.

— Это лучше, чем рабство! — воскликнул Гремин.

— Это правда! — согласился Брайтон. — Но вы забываете, что условия изменились. Земля охладилась, недра ее опустошены, и новому первобытному человеку, вооруженному лишь желанием жизни, вторично не победить природу.

Все замолкли, а Брайтон продолжал:

— Вы говорите, что мы захватили свободу и жизнь людей? Это пустяки! Мы отняли у них душу, наследственное достояние их предков, добытое жизнью и кровью тысяч поколений. Они — нищие, и мы их кормим. Если же мы погибнем, то они в доме, наполненном богатством и пищей, не найдут ничего для жизни — так хорошо мы это утаили.

Англичанин сухо рассмеялся и начал ходить по каюте.

— Меня считают революционером и мечтателем, — сказал он. — И все только потому, что я уверен в гибели всех нас и не хочу остаться в памяти людей ни безумным скупцом, ни просто неизвестным, владевшим в свое время половиной мира. Я оставлю человечеству великолепное завещание! Мною изобретены конденсаторы человеческой энергии. Если в то время, когда мы, руководители трестов и устроители современной жизни, исчезнем, люди приведут в действие мои конденсаторы, в их мозгу возникнут все те идеи, которые теперь так хорошо известны и использованы нами. Подобно тому, как граммофон передает людям лучшие образцы литературы и музыки, проекционный фонарь — живопись и скульптуру, так и мой конденсатор возбудит в людях идеи и пути их выполнения. Таково мое духовное завещание.

— Я не ошиблась... — сказала Нина, протягивая Джемсу руку. — Я недаром невольно доверяю вам.

Брайтон поцеловал руку девушки и сказал:

— Я — потомок великого поэта и драматурга, и, вероятно, поэтому думаю, что единственное счастье на Земле — любовь. Пусть же она озарит мое имя хотя бы после смерти!

Резкий звонок прервал его слова. Джемс взял телефонную трубку и спросил:

— Что случилось?

Ответил дежурный пилот:

— Сударь, с юго-востока я вижу стаю гарпий!

Англичанин, не сказав ни слова, бросился к лестнице, ведущей в стеклянную башенку, расположенную над судном. Отсюда при помощи бинокля он отыскал вереницу черных точек, напоминающих косяк летящих осенью журавлей.

Но это были не птицы, и Брайтон насторожился.

Наперерез его воздушной яхте шло большое боевое судно, окруженное гарпиями. Это были маленькие быстроходные аэропланы, построенные из стали и несущие на своих острых носках летучие мины.

Джемс спустился в каюту и, пройдясь несколько раз вдоль всего помещения, отдал по телефону приказание:

— Вся команда по местам! Приготовить большие прожекторы! — Затем он обратился к присутствующим: — Господа! Я не могу от вас скрыть, что за нами гонится боевая воздушная эскадра треста. Нет сомнения, они узнали о вашем пребывании на «Орле» и хотят вас арестовать.

— Вы предатель! — сказал мрачным голосом Гремин. — Но знаете, что вы погибнете вместе с нами...

— Не время спорить и угрожать! — сухо ответил Брайтон. — Надо действовать! Желаете ли вы помочь мне?

— Я готов! — сказал Гремин.

— Пусть всякий возьмет на себя защиту одной стороны нашего судна, — сказал Джемс. — Это нелегкое дело, конечно, так как «Орел» — яхта, а на нас идут быстроходные боевые судна, вооруженные артиллерией и минами.

— Я возьму на себя защиту носовой части! — сказал Брайтон. — А вы, Нина, если доверяете мне, оставайтесь здесь!

— Я остаюсь! — ответила девушка.

Англичанин с благодарностью взглянул на нее и быстро вышел.

На мостике, расположенном почти на носу «Орла», копошились пилоты и устанавливали прожекторы, соединенные толстыми проводами с черными стальными ящиками. Большое военное судно остановилось на значительном расстоянии. На нем заколыхались сигнальные флаги, а вслед за этим заработал беспроволочный телеграф, вызывая «Орел».

— Что вам угодно? — спросил англичанин. — Я — Джемс Брайтон!

— Генеральный Совет всемирных трестов предлагает вам немедленно сдать судно!

— Судно принадлежит лично мне, и никто не имеет права мне препятствовать лететь, куда захочу.

— Я получил предписание арестовать вас!

— Попробуйте! — протелеграфировал Брайтон.

— Если вы не повинуетесь, — пришел ответ, — я отдаю приказ о падении!

Англичанин прекратил переговоры и приказал что-то дежурному пилоту. «Орел» начал описывать большой круг, медленно поднимаясь все выше и выше.

Одновременно со всех сторон судна загорелись прожекторы. Их ослепительный след спорил с лучами солнца, и казалось непонятным, зачем Брайтон зажег огни на «Орле». Англичанин обошел всех, стоящих у прожекторов, и что-то объяснил Гремину и Русанову, взявших на себя оборону бортов.

Но в это время грянул первый выстрел.

Брайтон бросился на нос яхты.

Военное судно несколько удалилось. Оно еще было окутано легким дымом, но сквозь дым были видны красные флаги, выброшенные на боковых галереях.

— Бой начался! — крикнул Джемс. — Внимание!

Две гарпии выдвинулись из строя и быстро пошли навстречу «Орлу», а третья, описав дугу, начала подходить сбоку.

Яхта англичанина, не останавливаясь, поднималась вверх. Работали лишь верхний и нижний пропеллеры. Джемс вдруг быстро повернул судно и полным ходом пошел на нападающих.

С каждым мгновением гарпии становились ближе. Уже можно было различить людей, копошившихся у мин, как вдруг носовые прожекторы на миг осветили бледными лучами темные тела гарпий, и тотчас же свет сделался розовым, а затем багровым. Казалось, что он въедается в мчащихся к яхте врагов. Оглушительные взрывы раздались на гарпиях, и искроверканные обломки стальных листов, куски дерева и обрывки человеческих тел начали стремительно падать вниз.

Третья гарпия успела выпустить мину, но смущение, которое овла-

дело ее командой, не позволило взять правильный прицел, и снаряд, гудя и оставляя за собой длинную полосу дыма, пронесся дальше.

«Орел» ловким маневром догнал убежавшее судно и, встав над ним, сбросил снаряд. Опять черные обломки понеслись к земле и, ударившись об нее, превратились в песок, мелкие осколки и бесформенные куски окровавленного мяса и мозга.

Заговорили орудия военного судна, но снаряды не долетали до «Орла». Он забирался все выше и выше.

Два раза гарпии шли в атаку, но отступали, едва падали на них багровые лучи прожекторов.

— Нам бы продержатъ их так до ночи, а там мы им покажем один фокус! — весело крикнул Брайтон появившемуся из боковой галереи Гремину.

Но, словно отвечая ему, гарпии поднялись выше и начали наступление. Заработали прожекторы. Несколько судов взорвалось, другие загорелись и начали быстро опускаться на землю. Однако перевес был на стороне нападающих. Уже несколько мин взорвалось возле самого судна и снесло один прожектор.

Англичанин понял, что ему надо отступить и пытаться сдерживать врага на расстоянии, сосредоточив на нем лучи всех прожекторов.

Он уже хотел сделать распоряжение о новом маневре, как вдруг увидел, что две гарпии внезапно исчезли, а на их месте вспыхнули красноватые огоньки.

— Мой аппарат! — крикнул Гремин. — Я совсем о нем забыл!

Он бросился в кормовую каюту, а за ним поспешил и Брайтон.

Они остановились в изумлении.

Нина поместила прибор на столе и, следя в бинокль за гарпиями, наводила на появляющиеся за кормой суда потоки невидимых лучей.

— Вы нас спасли! — восхищенно глядя на девушку, воскликнул Брайтон. — Теперь мы посмотрим!

Когда аппарат был перенесен на нос и очутился в опытных руках Гремина, гарпии одна за другой начали бесследно исчезать, словно таять в воздухе, а военное судно, не дожидаясь конца боя, быстро удалялось к северу, изредка стреляя из кормовых пушек.

Бой был окончен, и «Орел» продолжил свой путь.

К стоящему на боковой галерее Джемсу подошел Гремин.

— Жаркий день был сегодня... — проговорил он.

— Да!.. — неохотно и резко ответил англичанин.

— Завтра, вероятно, новая эскадра будет нас преследовать? — продолжал русский инженер.

— И завтра вы опять скажете, что я предатель! — мрачно произнес Брайтон.

— Нет! — ответил Гремин. — Я прошу у вас прощения и сознаюсь, что оскорбил вас своими подозрениями. Что бы ни случилось, я всегда буду считать вас благородным человеком!

Брайтон сделал быстрое движение, будто хотел броситься к Гремину, но удержался и вновь потупился, сдвинув густые брови.

— Вам недолго считать меня предателем или благородным человеком, — произнес он. — Моя песенка спета... Я очень скоро должен погибнуть.

Гремин молчал, так как знал: Брайтон говорит правду, сознавая, что ему не под силу одному вести борьбу с всемогущим Генеральным Советом трестов.

Мучительное и тяжелое молчание длилось долго; его прервал голос Нины:

— Я не думаю, что ваша судьба уже решена, — сказала она, обращаясь к Джемсу. — Почему бы вам не примкнуть к нам? Мы также хотим счастья человечеству, и мы добьемся этого!

Джемс вспыхнул, но тотчас же справился с собою и сказал:

— Я не могу жить без доверия к себе, а вы не можете мне доверять. Ведь я — Джемс Брайтон!

И он горько рассмеялся.

— Нет, мы доверяем вам! — воскликнул Гремин.

— Ваш приход к нам — начало нашей победы! — торжественным голосом произнес Русанов, входя на галерею. Его глаза горели огнем вдохновения, и рука протянулась над головою англичанина.

Брайтон окинул всех взволнованным и радостным взглядом и молча решительно кивнул головой.

Потом, подойдя к Нине, он прижал ее руку к губам и шепнул:

— Вы в одном ошиблись! Моя судьба решена!

Вечером они увидели верховья Арты, и около полуночи Джемс, радостный и возбужденный, вошел в кормовую каюту и сказал:

— Сейчас я вам покажу свой дом, где я не Джемс Брайтон, а человек!

Он хотел уже протянуть руку и подошел к окну, но тотчас же со стоном отскочил.

Все кинулись к окнам.

Внизу ярко пылало огонь. Видно было, как вскидывалось злое пламя и металось, пожирая все, что попадалось ему на пути.

Брайтон тяжело опустился в кресло.

— Они сожгли все, что я ценил в жизни...

Он закрыл лицо руками и глухо зарыдал.

6. «Земля побеждающей мысли»

Спустя несколько дней большое воздушное судно с зажженными боковыми огнями мчалось глубокой ночью над необозримой пустыней Азии.

Широкоплечий человек, закутанный в плащ, стоял на мостике. Глаза его блестели, а ноздри жадно втягивали свежий морской ветер, дувший навстречу судну.

Появилась еще одна фигура. Шорох ее платья услышал стоящий на мостике и быстро обернулся.

— Я ждал тебя! — сказал он. — Я так счастлив, но мне нужно всегда видеть тебя, Нина, рядом с собою. Сам того не сознавая, я любил тебя с первой нашей встречи в Балтиморе! Я невольно вспоминал о тебе, и ты являлась иногда мне во сне. Тогда я смеялся над собою, но теперь я понял все. Я тебя люблю, и мы должны были встретиться...

Нина молчала. Она только подошла ближе к Брайтону и подала ему руку. Они долго стояли и дышали полной грудью, чувствуя, как горит в их сердце любовь, и постигая красоту и величие мира. Бледный свет луны охватил их, прижавшихся друг к другу с доверчивой и теплой лаской, а внизу кипел океан и, казалось, хотел доплеснуть до судна пенные гребни волн.

— Тихий океан! — крикнула Нина. — Сейчас будет наш остров, наши друзья и новая жизнь!

Отвечая ей, снизу поднялась к облакам широкая полоса ослепительного света, побежала и сразу нашла яхту и залила ее потоком ярких лучей.

Русанов, выйдя из каюты, встал на самом открытом месте судна и снял шляпу.

Внизу вспыхнули разноцветные огни, и тотчас же ярко осветилась большая площадь.

«Орел», медленно кружась, опускался.

Толпа мужчин, женщин и подростков окружила яхту.

Все пожимали руки Русанову, Гремину и Нине.

Когда крики и приветствия улеглись, старый ученый встал и крикнул:

— Привет Джемсу Брайтону на острове свободных людей!

— Привет! Привет! — подхватила толпа и старалась увидеть английского изобретателя, имя которого было окружено зловещим ореолом.

— Он — наш друг и союзник! — крикнул опять Русанов.

— Ура! — пронеслось над толпой.

Всю ночь не расходились люди и не отпускали прибывших.

— Скоро ли начнем последнюю войну? — спрашивали наиболее нетерпеливые.

— Теперь скоро! Очень скоро! — успокаивал их Гремин.

Солнце еще не поднялось к зениту, а Гремин уже показывал Брайтону все то, чего достигли жители острова, бежавшие сюда от промышленных королей.

Англичанин осматривал все заводы и их изделия с глубоким вниманием, делясь своими впечатлениями с инженером.

Его ум, изошренный в жестокой борьбе трестов с десятками миллионов поработанных людей, в каждом изобретении видел особые стороны, делающие его опасным для врагов. Когда Гремин указал ему на это, Брайтон энергично махнул рукой и сказал:

— Конечно! Сначала победим одних, а потом уж облагодетельствуем других!

И он что-то подсчитывал, соображал и отмечал в записной книге.

Брайтон неожиданно оживился, когда Гремин привел его в огромное здание с высокой башней и быстрым потоком воды, мчащейся куда-то с шумом и грохотом.

— Это — фабрика золота, — сказал Гремин, заметив вопросительный взгляд англичанина. — Смотрите.

Сквозь стекла башни можно было увидеть, как в падающем сверху водопаде мелькали сотни сеток, быстро прячущихся в углублении в стенах и вновь рассекающих воду.

— Эти сетки сделаны из особого сплава, поглощающего золото, — сказал, стараясь перекричать шум воды, Гремин. — Они улавливают те сотни миллионов пудов золота, которые растворены в воде морей.

Лишенная золота вода с плеском и глухим грохотом исчезала в конце здания в глубоком колодце, где в падении она приводила в движение динамо-машины, превращаясь в силу, свет и теплоту.

— Это — душа вашего острова! — улыбнулся Брайтон.

Инженер кивнул ему, и они начали спускаться в подвал, расположенный под зданием фабрики золота.

Здесь все содрогалось от мчащейся в каменном русле воды, которая буквально оглушала своим ревом.

Высокие штабеля больших и малых слитков золота, целые горы драгоценного металла были сложены здесь. Всю землю можно было купить за эти сокровища.

— Скорей, скорей к Русанову, — вдруг крикнул Брайтон и почти бегом бросился из подвала. — Вы не хотите кровопролития? — вос-

кликнул он, остановившись перед стариком. — Хорошо! У вас есть способ незаметно и быстро победить всемирные тресты. Вы знаете, что у нас на поверхности земли попадают те, которые предоставят нужное количество золота. Мы снабдим им население подземелий, и будем увеличивать число «свободных». Остановятся фабрики и опустеют поля и плантации. Произойдут непредвиденные осложнения, а изменение законов вызовет бунты и гибель трестов.

С того дня все население острова было занято постройкой судов. Вскоре они шли в сопровождении большого корабля, который в пути снабжал их энергией, передаваемой по воздуху. Около Марсея глубокой ночью суда выгружали слитки золота, и ночью же их уносили выходящие из подземелий по естественным расщелинам и пещерам люди в глубь земли, где с каждым днем ярче занималась заря скорого освобождения.

Через несколько лет, когда в Европе после жестоких междоусобных войн, убийств и казней начались голод и повальные болезни, с острова прибыл «Орел».

Генеральному Совету всемирных трестов, с трудом еще удерживающему в своих руках власть, были посланы требования о немедленном отказе от управления человечеством и подчинении решениям острова.

Весть об этом разнеслась среди населения, свободного, но полуголодного и начинающего уже вымирать. Одичавшие и отчаявшиеся люди несколько дней окружали здание Генерального Совета и грозными криками требовали согласия на условия освободителей. Поскольку Совет слишком долго не мог прийти к окончательному решению, толпа ворвалась в золотую залу дворца, и когда с завываниями и проклятиями она выбежала оттуда, на залитом кровью полу, среди обломков столов и кресел, лежало несколько трупов.

Через два часа после этого на острове произошел такой разговор между Греминым и Брайтоном, гулявшими в саду и наслаждавшимися тихим летним вечером.

— Довольно! — засмеялся англичанин. — Теперь ваш черед. Я должен признаться, что не особенно спешу увидеть миллионную толпу озверевших людей. Они едва ли лучше тех шести безумцев, которые владела ими. Идите вы с Русановым. Вы — мечтатели и пророки, приведите этих людей к сознанию труда для общего блага, а потом зовите меня, человека дела!

— По какому поводу так волнуется «человек дела»? — спросила с легкой насмешкой Нина, идя им навстречу.

— Джемс Брайтон ужасно разгневался, — ответил Гремин, — он хочет отдыхать, а там теперь такая работа, там обновление человечества, новая разумная и свободная жизнь!

Инженер обвел рукой широкий круг в воздухе.

— Я тебя и не удерживаю! — засмеялся Брайтон, и лукавые огоньки загорелись в его глазах.

— Но и я тебя не удерживаю, Джемс! — ласково глядя его по руке, сказала Нина.

Брайтон весело расхохотался и, взяв за руки жену и Гремина, сказал:

— Пойдем к старику. На острове нам уже осталось жить так недолго. Завтра — туда! Назовем же этот остров «Землей Побеждающей Мысли»!